ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 37 (2420) Суббота, 8 мая 1948 г. Цена 40 коп.

Да здравствует героический советский народ, народ победитель!

Праздник Победы

Есть праздники, которые, возникнув однажды, входят в нашу жизнь навсегда, как нечто само собою разумеющееся.

Сталинская эпоха — эпоха борьбы за коммунизм — умеет рождать и увековечивать такие праздники. Их историческая жизненность — в том, что они непрерывно, год от года, вбирают в себя самые характерные черты и знаменья времени.

Таков и наш праздник Победы.

В благословенный человечеством день — 8 мая 1945 года — гитлеровская Германия исчезла в пыли и пламени исторического возмездия.

Наступила новая, мирная эра. Ее провозгласил три года тому назад в своем обращении к народу наш Сталин, великий полководец нашего времени.

В тот день сбылись сны маленьких ребят, исполнились горячие помыслы миллионов матерей и жен. В тот день оправдались усилия тыловых армий труда и боевых армий фронта. Человеческий язык не имеет такого единого слова, которое бы могло определить собой величие и трудность этих усилий. Нет слова, которое могло бы — одно — определить благодарность бесчисленных поколений будущего дорогим нашим сверстникам и землякам, отдавшим жизнь за независимость и свободу нашей Родины.

В тот день все мысли и чувства советских людей были обращены к тому, кто вел наш народ и его грозные армии через трудности и испытания войны, кто спас страну от гибели, чей гений указал путь к победе, чья воля привела страну к победе, — к великому Сталину!

С тех пор трижды отмечает народ-победитель годовщину Победы. Радостно-торжественная дата 9 мая вошла в нашу жизнь, праздник стал традицией всего народа. Каждый год он выглядит по-новому, отражая стремительное и все нарастающее движение страны социализма вперед, в еще лучшее будущее — в коммунизм.

Давно ли выходили из лесов партизаны и впервые за долгие годы войны оглядывали освобожденные родные поля, как мирные пахари? Весна наступала для иных в феврале, для иных в июне, по мере того, как советские войска сгоняли немца с колхозных полей и можно было выйти за околицу, не опасаясь гранаты и шрапнели. Давно ли доморощенные колхозные минеры — старухи и девчата — обезвреживали поля от мин!

А ныне идет на колхозных полях весна Героев! Великое прошлогоднее колхозное наступление принесло плоды замечательного урожая. Еще шире развертывается в этом году фронт всенародной борьбы за урожай, за хлеб, за процветание.

И снова пишутся наградные — за доблесть, за волю к победе, за чистоту работы, которую исстари любит и ценит наш трудовой народ. На груди колхозного деятеля рядом с бронзовой медалью, на которой высечен сталинский профиль, рядом с фронтовыми регалиями сверкает золотая звезда Героя Социалистического Труда. Идет на полях весна Героев!

Давно ли подростки, стоя на ящиках, тянулись к станкам в цехах бесчисленных заводов, мобилизованных для нужд войны? Давно ли по железным дорогам шли с востока на запад, из-за Урала в Европу, бесконечные эшелоны боеприпасов, боевых машин и орудий, а назад, с военных полей, к мартенам и домнам тянулись такие же бесконечные эшелоны трофейного лома, исковерканного железа — на переплавку.

Еще и сегодня глубокими бороздами изрыты улочки рабочих поселков, по которым день и ночь со скрежетом шли в испытание из ворот заводов только что изготовленные танки. И вот на тех же заводах сборочные бригады собирают один за другим мирные паровозы, и старый мастер обкатки, выпустивший на своем веку пять тысяч локомотивов, выглядывает в железное оконце, выезжая из ворот завода в новый испытательный рейс.

Сотни крупнейших заводов, среди которых иные справляют свои вековые юбилеи, а иные были заложены и возведены в годы войны, переключились с грозных военных заказов на производство машин мира, машин жизни, машин, помогающих человеку уже не в огненном бою на бушующих полях войны, а в мирном и счастливом труде на ласковых и тихих колхозных полях.

Испытанная в самых суровых бурях истории, мудрая и честная политика партии большевиков приносит советскому народу свои новые драгоценные плоды. Проверенный путь социалистического планирования дает нашему народному хозяйству небывалые нигде в мире темпы восстановления и развития.

Гигантские задачи ставит перед собой победившее наше государство, чтобы обеспечить спокойствие мирного творческого труда в условиях новой расстановки мировых сил.

Неслыханно вырос за годы войны авторитет социалистической державы в глазах народов всего мира. Любовь к нам народов определяется и той освободительной миссией, которую выполнила наша Советская Армия, и последовательной борьбой за мир, которую ведет наше государство в послевоенные годы, безжалостно срывая елейно-христианнейшие маски с лица мировой реакции, и торжеством трудового подвига, радостью смелого творчества, вечной красотой социалистического соревнования, составляющего новую непреходящую форму счастья, незнакомого человеку до нас.

В болгарских шахтах работают нынче по-стахановски. В Праге, в центре Европы, тамошние крестьяне на сельскохозяйственной выставке с уважением рассматривают стенды советских колхозов и МТС. В странах, порабощенных американскими и «собственными» капиталистами, трудовые люди ищут на книжном рынке книги советских писателей.

Вот почему каждое творческое усилие советского человека, каждый трудовой подвиг рабочего, колхозника, интеллигента сегодня по-своему, по-новому окрашивают праздник Победы. Мы хорошо знаем, что близятся сроки той великой победы, когда «от восстановления народного хозяйства СССР и достижения довоенного уровня производства мы перейдем на более высокой ступени развития к осуществлению генеральной хозяйственной задачи СССР — догнать и перегнать в экономическом отношении, т. е. по уровню производства на душу населения, главные капиталистические страны, в том числе Соединенные Штаты Америки» (Н. Вознесенский).

Сегодня судьбу человечества решает не атомная бомба в руках гориллы, а это планомерное, повседневное, в одно и то же время и праздничное и будничное, трудовое усилие советского человека, направленное к конечной победе — к победе коммунизма.

Сегодня мощный голос Пятилетнего плана нашей страны, говорящего о своих успехах в сводках хозяйственных кварталов, рождает в лагере мировой реакции такое же смятение, как в дни войны голос Верховного Командования в сводках славных боевых операций — Сталинградской, Орловско-Курской, Корсунь-Шевченковской и других.

Да и природа успехов одна и та же! Тот же характер у мирного стахановца, что и у боевого солдата! В дни войны рабочая сметка советского человека жила в солдатских делах, и это она часто определяла успех стрелковых отделений, взводов, а, следовательно, армий и фронтов. Сейчас, в мирные годы, военный опыт бывалого солдата служит выполнению мирной производственной программы. Трудно переоценить значение организационных навыков, приобретенных нашим народом в годы механизированной войны в сложных условиях современных военных действий. Сказываются эти организационные навыки и в размеренной работе коллектива мастера Российского в Москве, и на полях колхоза бывшего капитана Половкова в Запорожской области, и в творчестве писателей-фронтовиков.

Подобно тому, как первый коммунистический субботник на Московско-Казанской железной дороге оказался в ходе мировой истории важнее и значительнее многих громких событий, гремевших в те дни на страницах буржуазной прессы, — подобно этому иное, скромное на вид событие производственной жизни, отмеченное в десятистрочной заметке на страницах заводской «многотиражки», имеет более важные и значительные последствия для мировой истории, чем исступленные, дышащие смрадом войны заявления лидеров мировой реакции.

Речи этих господ забудутся. Подвиги советских людей, руководимых великим Сталиным, не померкнут в веках. Они ведут вперед историю всего человечества.

В. ЖУРАВЛЕВ

Заздравная песня

Прошла гроза.
И в небе чистом
заря победная зажглась.
Уже давно артиллеристы,
и пехотинцы, и танкисты
походную отмыли грязь;
и под брезентами машины
давно на отдыхе стоят...

Друзья!
В день славной годовщины
давайте поглядим назад,
давайте вспомним те деревни,
те перелески, города, —
где мы прошли среди деревьев
весной и осенью, — когда
соседа, что сидит с тобою,
не слышно было от пальбы;
когда ревел над полем боя
металл, поднятый на дыбы;
когда в клокочущие дали
солдаты Сталина шагали
и край родной освобождали
за шагом шаг, за пядью пядь;
когда мы не жалели жизни,
лишь бы Советскую Отчизну
в смертельных схватках отстоять...

Где он, тот командир орудья,
герой понтонных переправ,
солдат,
что смертью смерть поправ,
на дот наваливался грудью?
И где механик тот, который,
чтобы врага сразить верней,
в горящем танке метеором
врывался в логово зверей?
И где герой тот с красным флагом,
что выиграл неравный бой.
что стяг Победы над рейхстагом
установил своей рукой?
Где богатырь тот,
победитель,
отдавшийся Отчизне весь?
Где он, солдат-освободитель?..

— Он среди нас!
— Он с нами!
— Здесь!
Он вновь плотину Днепрогэса
в былом величии возвел;
он подарил стране, как радость,
Донбасс, который вновь живет;
он в трижды славном Сталинграде
отстроил тракторный завод.
И правдою колхозов сильный,
восславив свой советский край,
он сталинский собрал, обильный
послевоенный урожай.
И всё просторнее, всё шире
гремят в стране его дела:
он вишни вырастил в Сибири
лимоны около Орла;
он новые возвел жилища
и на Днепре, и на Дону —
и всё затем, чтоб возвеличить
свою прекрасную страну.
И, укрепляя в мире дружбу,
он повсеместно и всегда
стоит бойцом во всеоружьи
на страже мирного труда!..

Так что ж, друзья,
поднимем чашу
за третью мирную весну,
за нашу Родину,
за нашу
непобедимую страну!
За всесоюзное содружье
народов-передовиков!
За наше грозное оружье —
за армию большевиков!
За знамя боевых походов,
За солнце наших гордых лет —
За друга и вождя народов,
За Сталина — творца побед!

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Павел ШУБИН

КЛЯТВА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Крылатое слово: победа! —
Несется по нашим рядам.
Под золотом майского света
К советским полям и садам.

Грохочут басами мортиры,
Ракеты свистят в облаках,
И полдень всемирного мира
Играет на наших штыках.

Мы долго об этом грустили,
Как только о доме грустят,
Железом дорогу мостили
И мстили, как воины мстят.

Годами страданий и риска
Оплачена жгучая страсть —
К подолу земли материнской
Своими губами припасть.

И вновь ей, не вымолвив слова,
Сыновнее сердце открыть,
И вновь ей поклясться, и снова
Присягу свою повторить:

— Твои перелески и реки,
Хлебов золотые поля

Да будут спокойны вовеки,
Родная, святая земля!

Да курятся мирные дымы
Из мирных твоих очагов,
Да будут вовек нерушимы
Просторы твои для врагов!

Чтоб вечно в лесах соловьиных
Звенела живая вода,
И девушки пели в долинах,
И жили в садах города.

Чтоб пахари шли бороздою,
Удачами славились дни,
Цвели под вечерней звездою
Твоих поселений огни.

Дробящим ударом тяжелым
Последний твой враг поражен,
И мы никогда не позволим,
Чтоб вновь угрожал тебе он.

Служившие право и свято
Твоей величавой судьбе,
Твои сыновья и солдаты, —
Мы в этом клянемся тебе!

Писатели о своих земляках

Советские люди в боях и в труде

ЗАПОМНИЛСЯ ЧЕЛОВЕК...

Многие ростовчане помнят, как однажды, три года тому назад, они увидели в небе над башней центрального водопровода плывущий аэростат. Было это в те дни, когда ростовчане еще носили воду из Дона, — в первые недели после освобождения города.

Тридцатишестиметровая башня требовала ремонта. Башенная лестница была снесена взрывом, строительного леса не было. Да если и возводить леса, так при такой высоте башни работы хватило бы месяца на два, а город нуждался в воде. Как же попасть на крышу башни, чтобы установить под'емный блок с тросами? Эта задача могла быть решена с помощью привязного аэростата. Но где найти смельчака-верхолаза?

Какой-то боец из проходившей по городу воинской части вызвался помочь ростовчанам. Люди видели, как поднялся аэростат с бойцом. День был ветреный, и трижды аэростат скользнул мимо башни.

В четвертый раз он снова пошел стороной. Тогда боец выпрыгнул из гондолы и уцепился за край крутой конусной крыши. Вскоре он установил блок с тросами для под'ема рабочих и материалов.

Сейчас на усыпанных гравием городских скверах водопроводчики включают на лето фонтаны и водоемы. Восстановленный водопровод в этом году открывает новые станции — они снабдят водой Верхнюю и Нижнюю Гниловскую, поселок Олимпиадовку и Красный Город-Сад.

Память о человеке не исчезла. Водопроводчиков часто спрашивают ростовчане, — как звали бойца. Некоторые слышали, будто однополчане называли его: старший сержант Салтовский.

В Ростове-на-Дону хотели бы знать об этом точно. Хотя и не в нашем городе родился этот человек, но мы считаем его земляком.

Вл. ФОМЕНКО.

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

СИЛА МЕЧТЫ

В бою или на марше, в короткую минуту солдатского роздыха, везде и всегда, покуда шла война, Леонтий Игнатьев хранил мечту о пшенице.

Суров край, откуда ушел воевать Леонтий Михайлович. В непроходимых лесах, что тянутся к северу от Иркутска до берегов Лены, затерялось ничем не знаменитое село Верхне-Марково. Зима здесь длинная и морозная, а лето короткое, жаркое.

До революции в здешних местах пшеницы и в помине не было. Но колхозный труд многое изменил в дремучем лесном краю. Появилась на Лене и своя пшеница. Среди зачинателей нового дела был звеньевой Леонтий Михайлович Игнатьев. Война помешала ему развить первые успехи.

Отважно сражался сибирский колхозник. Шесть ранений получил он в боях, многих наград был удостоен. Он отвоевал свое право на свободный труд, право растить золотую пшеницу в селе Верхне-Марково.

Видать, сильна мечта советского человека, если не сгорела она в огне войны, воплотилась в литое зерно. Свыше тридцати центнеров пшеницы собрал Игнатьев с каждого гектара в прошлом году, а таких гектаров оказалось двадцать восемь.

Среди выцветших в походах орденских ленточек на груди Игнатьева сияет сегодня золотая звезда Героя Социалистического Труда.

Г. МАРКОВ.

ИРКУТСК.

ДЛЯ ДРУЗЕЙ-ТОВАРИЩЕЙ...

«Два часа длился бой... Очищая комнату за комнатой, Тутученко с группой автоматчиков дошел до спальни управляющего имением... Тутученко перешагнул порог, и тотчас же из-за шкафа прозвучал выстрел. Тутученко упал. Заметив у шкафа сапоги, Тутученко выстрелил. Немец схватился за ногу. Тогда Тутученко выстрелил еще раз и убил немца — это оказался немецкий майор.

Тутученко вынул из его карманов документы и вдруг почувствовал, что силы его оставляют. Шатаясь, он направился к кровати. В сапогах его хлюпала кровь. Тутученко присел на кровать и увидел, как по белому покрывалу поползло кровяное пятно...»

Описание этого боя, который вели бойцы партизанского соединения тов. Ковпака, было сделано мною в книге «Малая земля».

Семен Тутученко, начальник штаба партизанского дивизиона, не погиб в этом бою. Архитектор по профессии, он, как и до войны, работает сейчас в Киеве. Вот что рассказал тов. Тутученко по телефону.

— Моей первой послевоенной работой был проект здания театра для города Сталино в Донбассе, а последней — типовой проект дома для престарелых и инвалидов в районном центре. Во многих городах Украины уже строятся по этому проекту дома. Когда я работал над ним, передо мной словно стояли те, кому доведется жить в этих домах. Среди них будут и мои друзья, соратники, что рядом со мной прошли по вражеским тылам, через всю Украину до Львова, до Карпат, до Варшавы. Новые дома мною спроектированы так, чтобы облегчить жизнь их обитателям. Пологие лестницы и пандусы предназначены для тех, кто передвигается в кресле и на костылях. В жаркий летний день жильцы этих домов найдут прохладу у фонтанов, устроенных перед фасадом. А тот, кто может и хочет, будет работать в саду или огороде.

Сейчас я работаю над проектом квартала жилых домов для восстанавливаемой улицы Артема в Макеевке. Пять новых домов этой улицы рассчитаны на 260 квартир. Это будут, я надеюсь, удобные и хорошие жилища с газом, телефонами, со всем совершенным оборудованием. Будет здесь и кинотеатр на 400 мест. И — верю — будет много счастья у жильцов этих домов, тружеников нашего социалистического Донбасса.

Л. КОРОБОВ.

МОСКВА

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНЬЯ!

Океанский корабль, раздвигая форштевнем крутую волну, вышел в плаванье. На капитанском мостике — Сергей Тимонькин, алеут с Командорских островов.

Необычайна и в то же время обыкновенна судьба этого человека.

Он был охотником за голубыми песцами и морскими котиками, славился острым глазом и твердой рукой. Затем стал солдатом великой войны, и немало врагов погибло от его снайперской пули.

Победителем вошел в горящий Берлин алеут с Командорских островов.

Отпраздновав победу, Сергей уехал учиться во Владивосток. Он закончил мореходную школу по классу судовождения и стал помощником капитана.

— Счастливого плаванья, земляк!

П. КОМАРОВ.

ХАБАРОВСК.

ВМЕСТО КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Я собирался написать корреспонденцию о моем земляке Николае Александровиче Демухаметове, звеньевом колхоза имени Карла Маркса. Я много думал о жизни этого отважного солдата, ныне Героя Социалистического Труда. И сами собой сложились стихи.

Плечистый, статный, темнорусый,
С глазами горной синевы,
Он воевал под Старой Руссой,
Он насмерть бился у Москвы.
Он храбрым был артиллеристом
И стал героем-звеньевым.
В союзе с колосом лучистым
Вовек народ непобедим!
Здесь на полях — передовая,
И он — солдат передовой,
Так в ногу доблесть трудовая
Идет с отвагой фронтовой.
Рассвет над сопками струится,
Везде, куда ни посмотрю,
Моя сибирская пшеница
Растет подстать богатырю.
И перед ним родные шири —
Мечты героя об одном:
Чтоб жатвой, самой щедрой в мире,
Победным солнечным зерном
Просторы славились Сибири...

И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

КРАСНОЯРСК

Вера СМИРНОВА

ПОСЛЕ БУРИ

«... Завтра будет десятое мая, обыкновенный день, может быть, ничего в жизни не изменится. А изменится все. Ты думаешь, я могу забыть эти годы? Никогда... Но сейчас я думаю о другом: что будет завтра?.. Может быть, со стороны покажется, что ничего не изменилось. А все изменилось... Мы оба стали другими... Я, когда летел, думал — что стало с народом, какой он теперь большой. И горе его, и гордость, и путь...»

Так говорит в тихий предутренний час перед началом первого послевоенного дня один из героев романа И. Эренбурга «Буря», прилетевший 9 мая с фронта в Москву. Говорит самому близкому человеку—жене. «И вдруг оба вздрогнули: кто-то засмеялся — это проснулся Васька-маленький». Сын.

Так кончается «Буря».

«На столе, покрытом светлой клеенкой, стояла стеклянная баночка с сахарным песком... Клеенка старая, потертая на углах стола; а когда Данилов уходил на войну, она была совсем еще новая. Чернильные пятна на клеенке. Откуда чернильные пятна? Ах, да,—это сын пишет. Сын вырос и пишет чернилами. Данилов закрыл глаза. Когда он открыл их, они были мокры. Он проглотил тяжелый и сладкий ком, бившийся в горле. С мокрыми глазами он засмеялся: сын вырос и пишет чернилами!.. Он сидел на крыльце, обняв колени руками. Сын вбежал в калитку первым... Сын увидел сидящего на крыльце и пошел шагом, шаг его все замедлялся, сын остановился, засмеялся и сказал растерянно:

— Папа...»

Это — последняя страница повести Веры Пановой «Спутники». Это не случайность, не заимствование и не совпадение. Две разные книги, два не похожих друг на друга писателя, два своеобразных зрелых художника увидели то «завтра», то живое и конкретное будущее, ради которого все мы живем и работаем, за которое сражались, для которого победили в жестокой смертельной схватке с фашизмом. Это будущее — новые люди, которые будут жить на отвоеванной нами земле, на планете, которая всегда была «для веселия мало оборудована». Смех ребенка — вот то самое дорогое и желанное, что услышали оба писателя, прежде всего, после бури, после залпов, криков, слез, на заре нового дня, накануне новой послевоенной пятилетки, перед началом великих работ восстановления.

Этот трогательный образ ребенка на пороге новых времен — живое свидетельство великого оптимизма советской литературы, символ силы, жизненности и веры в себя советского народа. Чтобы кончить счастливым детским смехом книгу о такой кровавой и беспощадной войне, надо очень любить жизнь и людей и сильно хотеть сделать и жизнь и людей лучше, и надо знать, как это сделать. Эта любовь, и вера, и воля к счастью — не качества отдельного человека, а черты нового коммунистического общества, рождающего ту общность мыслей и чувств, которую мы зовем морально-политическим единством народа. Оттого так понятно и закономерно, что два очень разные, не похожие друг на друга писателя, по-разному рассказавшие о войне, пришли с одной и той же мечтой к дню Победы и перекликаются на последних страницах своих совсем не похожих книг.

Есть в советской литературе еще одно замечательное произведение, конец которого невольно приходит на память, вызванный, как отзвук, последними страницами «Спутников» и «Бури». Когда Григорий Мелехов, отвоевав, отбунтовав, отмучившись и отчаявшись, потеряв все, что было ему дорого,—дом, отца с матерью, боевых товарищей и воинскую честь, веру в людей и уважение к себе, похоронив в степи свою единственную любовь и утопив в родном Доне свое оружие, пришел в Вешенскую, чтоб отдаться на суд революции, — около старого своего дома он увидел сына. «...Опустившись на колени, целуя розовые холодные ручонки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово: — Сынок... сынок... Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

На этом кончает Шолохов последнюю, четвертую, книгу «Тихого Дона». Это тот оптимистический конец, тот луч, освещающий будущее, тот выход, без которого трагическая история человека, заблудившегося в сложных путях эпохи, была бы неприемлема для советского читателя. Пройдя с шолоховским героем по всем его тропам и дорогам, то сочувствуя ему, то негодуя, — то как друг его, то как враг, — читатель слишком много пережил с ним, чтобы удовлетвориться только зрелищем его поражения. Читателю нужно, чтобы Григорий не только признал себя побежденным, уничтоженным силой новой жизни, но и увидел, что жизнь эта идет и будет итти без него и вырастит то, что он бросил на произвол судьбы, о чем забыл, думая лишь о себе самом.

В этот решительный миг Шолохов вывел Григория из лабиринта эгоистического существования и поставил его перед сыном, перед будущим. И чувство более сильное, чем все, испытанные им, — огромное чувство вины перед сыном, перед новым поколением людей, перед родиной, которая нуждалась в его когда-то крепких руках, — это чувство было так сильно, что у него перехватило горло. Сын — «это было все, что осталось» у Григория Мелехова. Маленький Мишатка в этот миг неизмеримо сильнее своего отца, он невольно становится его единственной опорой, его спасением, может быть. А для читателя, безусловно, в этой встрече отца с сыном утром, ранней весной, над мирным, уже успокоившимся Доном, — утверждение новой жизни, ее победа.

И если у Шолохова образ ребенка в конце книги о гражданской войне знаменует собой победу революции, то у Эренбурга и Пановой теперь — это победа советского строя, победа коммунизма. «Наше дело правое. Победа будет за нами» — с этими словами, с этой уверенностью мы вступали в войну, мы знали, что в смертельной схватке с самой бесчеловечной силой на земле — с фашизмом — мы должны победить, и мы победили. И отцы принесли своим детям эту победу как результат первой четверти советского века, как свидетельство нашей силы, как залог непобедимости.

Эта тема всепобеждающей жизни звучит и в послевоенной поэме А. Твардовского «Дом у дороги». Солдат воюет, не зная, что у него родился сын. Сын родился в неволе, в немецком плену, куда фашисты угнали мать на работу. Тяжко матери с детьми на чужбине, в голоде, в грязи, в страшной нужде и ежечасных опасностях, еще тяжелее с маленьким, с новорожденным. Но малютке дела нет до войны, до фашистов, — он хочет жить, всем своим существом он утверждает право на существование, он требует солнца и счастья, свободной и прекрасной жизни. И этот маленький новый человечек вселяет в мать веру в будущее, в победу, дает ей силы жить и сохранить его для жизни.

Поэт не пытается смягчить или прикрыть страшное лицо войны, затеянной в мире фашистами: он видит все горе, все разрушения, все беды людей, пепел и кровь, но он смотрит в сердце советского человека, — матери, солдата, и ничто не может затуманить в нем чистой, большой и радостной любви к жизни, мечты о жизни человечной, справедливой и мирной. Отец-солдат, вернувшись домой и найдя дом пустым, принимается за работу, он верит в возвращение семьи, ждет, готовится и спешит — спешит работать, словно хочет наверстать потерянные на войне годы.

Из самой страшной и жестокой войны мы вышли с победой, со славою, с желанием мира, с жаждой свободного, созидательного труда, с верой в будущее. Мы стали сильнее. У поэта К. Мурзиди есть стихотворение о том, как «шел солдат с фронта» и по дороге помогал всем, кто нуждался в помощи. Видит: мост наводят через речку — вспоминает ночные переправы и помогает вколотить сваю; видит на дороге остановившийся «виллис» и шофера у колеса и начинает орудовать ключом; видит — строят дом и, вспомнив, «как с марша на стоянке укреплял накаты блиндажей», сам вяжет венец нового дома. Оказывается, на войне он всему научился. Весь свой военный опыт, все свои новые знания, все свое физическое и духовное «вооружение», свой боевой и командный опыт советский человек с поля боя перенес на широкие поля своей страны, где идет борьба за хлеб, за урожай, за восстановление экономической мощи, за народное богатство и благосостояние. Об этом говорит убедительно наша литература.

И, если по книгам судят о жизни, — как темна, страшна, бездорожна послевоенная жизнь в книгах писателей Запада, каким в конец запуганным, одиноким, беспомощным рисуют они человека перед безработицей, перед нуждой, перед смертью, перед силой денег, перед угрозой атомной бомбы, перед произволом другого человека! Недаром так безнадежно мрачны все произведения, где мы встречаем ребенка. Даже в книге передового французского писателя Шамсона «Кладезь чудес» страницы о детях почти невозможно читать— так они полны чувства обреченности, безвыходности.

Роман «Последнее поколение» М. де Форд — предел фантазии современного буржуазного писателя — ярче всего свидетельствует о настроениях, господствующих на Западе. Представить себе мир, лишенный детей, мир без детского беззаботного смеха, мир без будущего может только человек отчаявшийся или злой и жестокий обманщик.

Тем радостнее звучат голоса детей в нашей советской послевоенной литературе, тем задорнее слышны во всем мире звонкие удары молотка, которым забивает гвозди наш «Малышок» — подрастающий рабочий и хозяин нового коммунистического мира.

«ЧЕРНОМОРЦЫ». Картина лауреата Сталинской премии В. Г. ПУЗЫРЬКОВА.

НА МАЙСКИХ ДОРОГАХ

А. ГОНЧАР

Полки, вытянувшись в колонны, летели вперед. Рассекая горячие, разомлевшие от зноя поля, навстречу бежал асфальт, сплошь политый свежей водой. Празднично одетые чехи и чешки неутомимо поливали его с утра до вечера, чтоб не пылила дорога, чтоб не падала пыль на освободителей. Чистые, красивые села и городки, утопающие в молодой зелени, подняли над домами красные советские и трехцветные национальные флаги, которые трепетали, словно вымпелы множества кораблей в огромной гавани. Весь мир стал сразу необычайно ярким и пестрым. Сквозь вдохновенный людской гул безостановочно проходили вдохновенные войска.

— Наздар! — единой грудью восклицала освобожденная Чехия. — Наздар! Наздар! Наздар!

— Ать жие Сталин!

— Ать жие Руда Армата!

Триумфальные арки возникали на пути полков, словно вдруг вырастали из плодоносной чешской земли.

Хома Хаецкий пролетал под этими радужными арками одним из первых. Грива его коня уже третий день расцвечена пахучей травой, автомат обвит цветами и лентами. Украшали его белые худенькие руки освобожденных сестер, лица которых подолянин даже не успевал запомнить.

Наступил всемирный праздник, которому, казалось, не будет конца. У каждого двора на чисто вымытых скамейках стояли ведра с холодной водой и хмельной брагой, а возле дворов побогаче — бидоны с молоком и бочки с пивом. Радостный народ без устали угощал желанных гостей. Среди машин и лошадей храбро сновали ребятишки с полными ведрами, наперебой протягивая каждому кружку, наполненную от души до самых краев!.. И какое счастье светилось в ясных детских глазах, когда боец, наклонившись с седла, брал кружку и, улыбаясь, пил!

— Я обпился за эти дни, — говорил Хома товарищам. — Не могу никому отказать, у каждого пью.

Всякий раз, угощаясь, он успевал перекинуться с чехами несколькими словами. Прежде всего спрашивал, давно ли прошли здесь немцы.

— Час назад... Полчаса назад... — отвечали чехи, мрачнея при одном лишь напоминании об оккупантах.

— Чудно! Чудно мне, братцы! Когда вы успели столько флагов наготовить, да еще и вывесить!?

— О, пан товарищ! Флаги у нас готовы еще с сорокового года, — дружно признавались чехи. — Шесть лет мы ждали этого благословенного дня. Мы знали, что вы нас не забыли, что вы придете. Чесословенска будет!

— Уже есть! — вытирая усы, говорил Хаецкий с таким видом, будто передавал тут же эту Чехословакию в руки своим собеседникам. — Держите крепко, бо дорого стоит!

Как-то в полдень полк приближался к большому чешскому городу, выросшему на горизонте лесом заводских труб. После веселых белых поселков, которые то и дело тянулись вдоль шоссе, панорама индустриального города, за долгие годы насквозь прокопченного и усыпанного заводской сажей, показалась Хоме необычной для этого края. «Такая маленькая страна, и такие добрые заводы! — с восторгом думал Хома, проникаясь еще большим уважением к чехам. — Жилистый народ, такой, как и мы!»

Немцев в городе уже не было, однако следы их еще не выветрились: темные городские окраины полыхали огромными пожарами. Горели длинные заводские корпуса, пылало круглое железнодорожное депо с проломленным черепом крыши. Некоторые строения уже совсем сравнялись с землей, превращенные силой взрыва в сплошные свежие развалины. Стены уцелевших построек снизу доверху были изрезаны причудливыми зигзагами трещин. Отряды черных, мокрых рабочих, вооруженных брандспойтами, пытались тушить пожары, но их усилия не давали почти никаких результатов. Все вокруг дышало удушливым жаром.

«Когда они успели учинить такой погром?» — гневно думал Хаецкий о немцах, под'езжая к бетонному заводскому забору, покосившемуся от удара воздушной волны. Близкое пожарище пахнуло на него, словно южный суховей.

Едва Хома остановил коня, как его окружили возбужденные рабочие. От них Хома узнал, что заводы были разрушены всего лишь час назад, и сделали это не немцы, а «летающие крепости».

Это от их бомб зияют между цехами воронки, на дне которых выступила даже подпочвенная вода — ею пользовались сейчас рабочие, из брандспойтов заливавшие пламя.

В первый момент Хома был искренно восхищен такой работой авиации союзников. Но чехи его быстро разочаровали. Оказалось, что американцы налетели на заводы, когда немцев здесь уже не было.

— Выходит, промахнулись, — с сожалением сказал Хома. — Не рассчитали.

Однако рабочие были другого мнения. Видимо, этот налет их не только не восхищал, но даже вызывал возмущение, хотя они и старались сдерживать его. Хома уловил в их голосах горькие нотки, нотки жалобы, обращенной к нему. В чем дело? Можно допустить, что летчики ошиблись, войдя в азарт. Ну и что же?.. Почему рабочие так беспокоятся об этих предприятиях? Разве мало жил вытянули из них капиталисты, разве мало за свою жизнь эти рабочие наглотались здесь сажи ради чужих прибылей?! Пусть горит!

В беседе, однако, выяснилось, что все это не так просто, как на первый взгляд казалось Хоме. Далеко не так, товарищ! Терпеливее других втолковывал это Хоме простоволосый, коренастый юноша в промокшей майке. Его грязная, огрубевшая в работе рука спокойно лежала на седле Хомы. Жилы на ней вздулись и синели, как реки на карте. «Тоже двужильный»,— сразу окрестил чеха подолянин, который себя лично считал двужильным.

Юноша, как и многие чехи, свободно говорил по-русски.

Правду сказал советский товарищ, — эти заводы из них жилы вытягивали. Было так... Но не все вытянули, для себя тоже осталось. (Юноша весело взглянул на Хому). И сажи наглотались вволю. Да, это правда. Но отныне говорим: довольно! Хозяева фирмы, господа акционеры удрали доживать свой век где-нибудь в швейцарских виллах. Все это должно стать людовым, народным. Все будет конфисковано. Вся Чесословенска отныне есть хозяин тем заводам. Не зря, обжигаясь, рабочие тушили пожары. И не зря чехи в претензии к панам-американам за их запоздалые бомбы.

— Они и на фронте выше всего ставят свой бизнес, — мрачно сказал кто-то из толпы.

Хома не знал, что значит слово «бизнес», однако спрашивать у чехов не стал. Лучше поговорить об этом позже со своим замполитом. Сейчас, выслушивая сдержанные жалобы рабочих, Хома чувствовал себя неловко. Впервые ему, дерзкому, острому на язык подолянину, нехватало слов для ответа. Он, как солдат, должен взять на себя всю ответственность за действия союзников, но в данном случае он этого сделать не мог. Хулить же американцев ему не позволяло собственное достоинство, достоинство честного союзника. И тут, возле разгромленных пылающих заводов, Хома впервые серьезно насторожился, пытаясь об'яснить самому себе не совсем понятные действия «летающих крепостей».

«Как же быть с вами? — думал он, оглядывая рабочих. — Что вам сказать на это?»

— Мы разберемся, — пообещал он, наконец, имея в виду прежде всего себя и Воронцова, и сердито дал шпоры коню.

... Хома догнал майора Воронцова уже за городом, когда полк, прогремев по центральным площадям, просверкав серпами-подковами сквозь бурю цветов, снова вытянулся на асфальтовую загородную дорогу. Леса и холмы, как живые, расступались перед полком, а дорога, залитая солнцем, сама стелилась — разворачивалась вдаль.

Майор ехал по обочине и читал на ходу письмо.

— Как там поживает ваша жена, товарищ гвардии майор? — спросил Хома, вежливо откозыряв. — Бригадир не обижает? Дает соломы для хаты?

— У нас там соломы нет, товарищ Хаецкий, — улыбнулся Воронцов, аккуратно складывая письмо. — У нас кругом тайга, на сотни верст... Да это письмо не от жены, кстати. Сын пишет.

— А-а, сын... Тот, что в армии?

— Тот... Коля... Самый старший мой.

— На каком он сейчас?

— На Первом Украинском. Был под Берлином, а сейчас, надо думать, уже в Берлине, если, конечно... жив, — глухо сказал майор. — Он уже танковой ротой командовал.

— Не волнуйтесь, товарищ гвардии майор, не очень переживайте, — смущенно утешал замполита Хома. — Все будет в порядке с вашим сыном... Броню наших танков нелегко пробить.

Некоторое время Воронцов ехал, не отвечая на слова Хомы, беспомощно моргая рыжими веками. Потом порывисто повернулся к Хаецкому.

— Нелегко, говорите, пробить? Не пробьет, говорите? — оживившись, спрашивал он, словно советовался, почувствовав неожиданную поддержку. — В конце концов, это правильно. Как ни как, они все же в машинах, не то, что мы, голая пехота, царица полей...

— Жив, жив будет, товарищ замполит, — уже более решительно уверял Хома.

— Знаете, я тоже так думаю... Ведь уже столько провоевал благополучно, а тут каких-нибудь несколько дней и — конец.

Воронцов посветлел, выпрямился в седле и снова стал тем крепким, подтянутым Воронцовым, которого Хома привык ежедневно видеть в полку.

Они как раз в'езжали на невысокий холм. Отпустив поводья, дали свободу вспотевшим лошадям.

— Оказывается, товарищ гвардии майор, те заводы разбомбили не немцы, а паны-американцы, — заговорил, наконец, Хома о том, что грызло его всю дорогу.—Налетели как будто в последний час и трахнули! Как по-вашему, это у них бизнес или не бизнес?

Воронцов удивленно посмотрел на Хому.

— Где вы это слово поймали?

— Оно давно при мне, — спокойно соврал подолянин. — За плечами его не носить... Только до сих пор не очень понимаю, что оно значит. Гешефт?

— Что-то вроде этого, — ответил Воронцов, сразу мрачнея. — Все заокеанские капиталисты на нем держатся.

— Держатся... Ну и пусть себе держатся, пока не сорвутся... Но причем же тут чешские заводы? Разве они уже стали кому-то поперек горла?

— Может быть, и стали, товарищ Хаецкий...

— Как же так?

— Очень просто... Представьте себе: кончится война, империалистические хищники снова оскалят зубы. Опять развернется борьба между соперниками, между конкурентами. Тогда и эти чешские заводы могут стать для кого-нибудь помехой. Почему же не расправиться с ними заранее, тем более в такой горячке, когда под видом военных действий можно безнаказанно учинить настоящий погром своим будущим соперникам? Почему не сделать и на этом бизнес?..

Слова замполита направили мысли Хаецкого в неожиданное русло. Так же, как и все его товарищи, он принял на себя тяжелое бремя войны во имя избавления человечества от общего врага. За последним днем войны, представлял он себе, должна начаться жизнь, где общечеловеческое счастье будет бить миллионами живительных источников, где праздникам не будет конца, — ведь уничтожен будет микроб, мешающий тому, чтобы все люди стали, наконец, настоящими людьми! Это общее счастье было и его собственным, самым большим счастьем. За него вела его в бой честная солдатская ярость, и он думал, что она живет сейчас в сердце каждого, кто называет себя его союзником. Он верил, что цель у них и в самом деле одна.

И вдруг Воронцов своей спокойной, твердой рукой как бы приподнял туманную вуаль, и Хома на миг увидел в далекой глубине послевоенного бытия водовороты холодных расчетов, неутихающей вражды, которую поселяют в мире те, кто мерит победу не безбрежным разливом общего счастья, но лишь толщиною своего кошелька.

Жизнь и смерть, людское счастье и горе—все это «бизнес» для них. И Хома Хаецкий понял это чужое для него, словно ледяное и жестокое слово.

Глава из 3-й книги романа «Знаменосцы».

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Исполняется три года с того великого дня 9 мая 1945 года, когда в Европе кончилась война. Танкист с Урала вытер руки в масле и в грязи и поднял над обугленным страшным рейхстагом красное знамя Победы. Русый парнишка из Орла пожал на переправе через Эльбу руку черноволосому парнишке из Сан-Франциско. Оба они убедились на собственном опыте, что земля, действительно, кругла и что они живут гораздо ближе друг к другу, чем это могло казаться. Это был час великих надежд для всего человечества.

Человечество живет ими, этими надеждами, и по сей день.

Многие из них исполнились. Три года в условиях рекордного, ракетного темпа нашего века — срок не маленький. Как самолет в течение суток пересекает целый материк и человек сразу попадает из северной пурги к блаженному берегу южного моря, точно так же и пространство истории стало обозримо для любого невооруженного глаза.

Вот он, ландшафт истекшего трехлетия. Конференции и совещания. Процессы над фашистами в Германии. Молитвы священников, обращенные к мертвым богам, и тезисы рабочих с'ездов, обращенные к живым людям. Демократические армии мира на Пелопоннесе и в северных провинциях Китая.

Нам незачем прибедняться. Победа демократических сил в ряде стран Европы— это победа света над тьмой, правды над ложью. Могучий процесс образования новых общественных отношений в Польше, в Чехословакии, в балканских странах продолжается. Он не легкий, сложный, но это и есть дорога истории — столбовая, освещенная полуденным солнцем дорога, по которой идут миллионы простых людей.

Мы знаем обо всем, что делается у нас, в нашем большом доме. Мы знаем о мощных ресурсах энергетики, которые будут заново вдвинуты в народное хозяйство. Мы знаем о восстановлении Сталинграда и Днепрогэса. Знаем о стотысячных тиражах свеженабранных книг, необходимых сегодня, как воздух и хлеб. Знаем о светлых аудиториях вузов, куда пришла новая талантливая молодежь, — часть из нее на протезах, — у этой молодежи грандиозный опыт участников войны, путь от Волги до Эльбы, стало быть, один университет у нее уже за плечами. Это отличное, благородное поколение будущих инженеров, врачей, писателей, летчиков, учителей и ученых, и оно ринулось к познанию мира. Врачам уже только в крайних, так называемых несчастных, случаях приходится зашивать раны, нанесенные огнестрельным оружием. Саперам незачем подрывать мосты, а предстоит их строить. В наших школах раздаются голоса детишек, которых уже никто не посмеет загнать в скотский вагон. Жизнь сложнее, труднее и богаче, нежели любой подробный отчет о ней, и все-таки в самом обыденном факте брезжит ее отсвет, ее благословенное тепло.

Все это — большое и малое, прихотливо разбросанное по лицу земли, недовершенное, в вечном движении и становлении, — все это и есть результат Победы, исполнение рожденных ею надежд. Это не может не броситься в глаза живому и чувствующему человеку. И если этот человек мыслит исторически, то-есть, если он не отделяет свой сегодняшний день от вчерашнего и завтрашнего, не отделяет своей жилой скорлупы от необозримого пространства, населенного такими же людьми, тогда он, наш современник, отлично поймет смысл сегодняшнего праздника.

Тридцать лет тому назад, после первой мировой войны, европейские романисты,— среди них были и злые, бестрепетные психологи, и добросовестные бытописатели, — посвящали свои книги «поколению, которое, избежав гранат и пули, все же истреблено войной духовно». У них были горькие основания для такого посвящения. Европейское искусство тех лет красноречиво и нелицеприятно это подтверждает. Мы помним этих неприкаянных, опустошенных, растерявших социальные связи героев, чьи имена попадали в скандальные и уголовные хроники. Ведь именно из них и вербовались первые когорты черно- и коричневорубашечников. В Германии им удалось создать целое государство и воспитать целый народ по своему образу и подобию. И эта воспитанная ими смена составила костяк гитлеровской армии. Где она сейчас, — об этом знаем, как никто, мы, советские люди.

Но неприкаянные, опустошенные экземпляры человеческого рода, предпочитающие пребывать в безвоздушном пространстве, лишь бы не жить в обществе себе подобных, эти эмбрионы завтрашних эсэсовцев, существуют, как известно, в странах Запада и сегодня. Об этом говорит и грязный детектив в ярко размалеванной обложке, и гангстерский кинофильм, и тошнотворное болото экзистенциализма, и прочие ходкие новинки западной «культуры». Все это явления одного ряда, одной направленности. Здесь архиидеалистическая философия перекликается с проповедью животного самоуслаждения, папская булла—с шантажом бандита. Это черный хоровод реакции. Она, может быть, и поостережется назвать себя сегодня фашизмом, — но, боже мой, разве дело в названии? Столько на белом свете «христианско-демократических» камуфляжей, под которыми можно вползти в доверие не только к одним идиотам!

У нас есть очень веские основания для того, чтобы оставаться спокойными перед лицом этой черной угрозы, откуда бы она ни исходила. Многое изменилось на свете после войны, многое выросло, оформилось, назвало себя по имени, — юное, гневное, страстное, опять и опять юное...

Поэзия французского Сопротивления разительно не похожа на экспрессионизм и грехи молодости дадаистов. Литературная молодежь Польши, Чехословакии, Болгарии скорее уж протянет руку Яну Жижке или Ярославу Домбровскому, нежели тем своим ближайшим предкам, которые взрослели между четырнадцатым и двадцать пятым годами этого века.

Наша молодежь уже многое сказала. Сказала и делом и словом. Сказанное ею осталось в нашей культуре, как исповедь поколения. «Флаг над сельсоветом» Алексея Недогонова и «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова недаром встали на книжную полку. И эти и многие другие прекрасные книги, написанные молодыми, поставлены на духовное вооружение народа. Им предстоит долгая жизнь.

Земля снова расцветает. Кровь, которая вспоила этот расцвет, пролита недаром. Тот, кто видел красные пятиконечные звезды над маленькими холмиками по всему пространству земли от Волги до Эльбы, никогда и нигде не забудет о них. И сегодня они снова и снова взывают к памяти живых. Память связана с мечтой. Тот, кто зачеркивает память, тем самым зачеркивает будущее. Во имя такой связи мы говорим о своем празднике, как о таком дне, который об'единяет всех нас для одного великого дела—для борьбы за коммунизм.

Антанас ВЕНЦЛОВА

В горах за Кировабадом

Все выше в горы мчались мы,
Асфальт дорог синел,
Между камней темнее тьмы,
Кружася в вышине.

Сквозь сон коричневой руды,
Чьи жилы длинные тверды,

Сквозь лес, чьи синие листы
Мерцанье меди льют,
К чертям слетим мы с высоты,
Казалось, в пропасть тут.

Нас горный дух хранил в горах,
Вино крепчало в погребах.

А где кустарник в скалах лег,
Висел чабаний крик,
Баранов двигался поток
По гребню напрямик.

Пред нами плыл библейский вид,
Раскрылись гор хребты,
По разноцветью мшистых плит
Баранов шли гурты.

Исчезло солнце. Дождь и мгла,
Сползавшая в обрыв...
Чадра туманная легла,
Закрыв черты горы.

Но вдруг костер пахнул дымком,
Углей алмазный звон,
И вот баран уж под ножом,
Уже без шкуры он.

Вино из бочек смол густей,
С колхозного двора,
Так угощай, чабан, гостей —
Далеко до утра!

Ты угощал героев в час
Великих, грозных сеч, —
Как друг, встречаешь нынче нас
На древнем месте встреч.

И шашлыки шипят вокруг,
Трещит углей оскал,
И губы ветра сдули вдруг
Туман с кремнистых скал.

И кажется, что с чабаном
Любой из нас давно знаком

Ходила чаша вкруг стола,
Хоть не было стола,
Но в честь товарищей хвала
По кругу шла и шла.

Вновь солнце нам улыбку шлет,
Горя на весь простор,
Мы жили, как один народ —
Кировабадских гор.

И нам казалось, что мы все
Чабаньи сыновья,
А день сверкал во всей красе,
Тебе, моя земля!

Перевел Николай ТИХОНОВ.

Берды КЕРБАБАЕВ

ВСЕ ЭТО — ДЕЛО ПОБЕДЫ!

Празднуя сегодня День Победы в Великой Отечественной войне, мы думаем о новых победах республики, о победах в борьбе за восстановление и развитие нашего хозяйства.

С Победой на наши заводы и колхозные поля пришли новые силы. Это — силы моего народа, прошедшие боевую школу на фронтах недавней великой войны. Они внесли в мирный труд точный порядок, и им во многом мы обязаны перевыполнением плана сдачи государству каракуля и коконов, винограда и овощей, животноводческой продукции и хлопка. На недавнем февральском совещании передовиков сельского хозяйства об этом говорили много, и можно только пожалеть, что не все писатели вслушались в яркие речи. Здесь все звучало, как слово о результатах Победы — об этом надо писать книги.

В ущельях, где недавно охотник подстерегал лань, заводской гудок сзывает наших новых рабочих к станкам; мы сменили старые ирригационные строения новыми, проложили сеть каналов, устроили новейшие водохранилища и свыше полутора тысяч гидротехнических сооружений. Все это — дело Победы!

Идут подготовительные работы по Кара-Кумскому каналу. Канал даст возможность оросить районы южного Туркменистана, увеличить на сотни тысяч гектаров площади под хлопчатником, расширить виноградники.

Веками наш народ мечтал о расцвете Кара-Кумов, веками пели наши бахши и шахиры о том, что побегут воды Аму-Дарьи через пустыни. Теперь песни пора переписать в романы.

В этом году наши нефтяники выполняют пятилетний план за три года, — и это благодаря Победе!

А как далеко ушли наши люди не только в труде, но и в духовном развитии! Вспоминаю, что рассказывал писатель Аман Кекилов о своем впечатлении от чтения первого русского романа — горьковской «Матери». Кекилов записал: «Не все я сразу понял. Неясно тогда было для меня значение многих, даже очень простых русских слов, но покоряющая художественная сила книги Горького заставила читать не отрываясь». А ныне на книжных полках библиотек-читален, среди многих сотен томов политической, художественной и научно-популярной литературы, хранятся произведения Алексея Максимовича. В кибитках-читальнях, отправленных к началу мая в деревню, наши колхозники найдут впервые переведенные на туркменский язык творения Белинского, вместе с его книгами мы послали к празднику и только что переведенные книги Фадеева, Павленко, Леонидзе, Вершигоры, Пановой, Полевого и т. д. Спешно заканчиваю я перевод с узбекского языка романа Айбека «Навои»; может быть, хотя бы в отрывках, я познакомлю в эти дни нашего читателя с произведением Айбека, а также с великолепными индийскими балладами таджикского поэта Мирзо Турсун-Заде.

В светлый день праздника Победы, слушая стихи поэтов, мы мечтаем о том, чтобы уже в следующем году в наших селениях выступали также и молодые прозаики; страна, где до сих пор владычествовало только слово поэта, полна великих и многообразных дел советского человека — слово прозы наиболее способно широко отразить эти дела.

Празднуя День Победы, наши чопаны-пастухи и хлопкоробы, нефтяники и строители железной дороги Чарджоу—Кунград празднуют также и новые победы советской культуры.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Великий грозоотметчик

В календаре праздников советского народа недавно появился День радио — заслуженная почесть великому Попову, праздник нашей науки, техники и культуры.

Литература и радио в нашей стране связаны тесными узами, которые делают День радио особо радостным праздником для советских литераторов.

С первых шагов массового радиовещания в Советском Союзе советские писатели принимали в нем активное участие. Одним из первых радиопропагандистов художественного слова был Маяковский.

Характерен эпизод, происшедший с Маяковским. В радиостудии поэт читал свой знаменитый «разговор с солнцем». В те времена студии были еще недостаточно технически оснащены. Где-то произошло замыкание проводов и возник пожар. Маяковский продолжал читать, несмотря на то, что дым уже пополз по студии. Лишь прочитав заключительные строки:

... светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца! —

поэт отошел от микрофона.

Мне вспомнился этот случай, когда я читал замечательную во многих отношениях книгу радиста Кириленко «Последний рейс «Колы». Кириленко описывает, как он передавал идущим вслед за «Колой» кораблям о том, что «Кола» торпедирована вражеской подводной лодкой. Волны уже заливали тонущий пароход, а радист ждал, пока нагреются лампы, и, лишь сообщив своим товарищам о подстерегающей их опасности, покинул пост.

Конечно, пожар в радиостудии—исключительный случай, но факт, который произошел с Маяковским, свидетельствует об ощущении величайшей ответственности поэта при разговоре со всей землей, которое было у Маяковского и стало традицией в работе писателей на радио.

Радио является едва ли не самым мощным пропагандистом нашей литературы.

Только одно центральное радиовещание ежедневно проводит несколько литературных радиопередач. Почти все крупнейшие произведения советской литературы последних лет целиком и частями переданы по радио. Радио увеличило на много миллионов человек число читателей таких книг, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Счастье» П. Павленко, «Кружилиха» В. Пановой, «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, «В крымском подполье» И. Козлова, «Буря» И. Эренбурга, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, и многих других.

Чтение больших многолистных произведений по радио — дело новое. Иным скептикам казалось, что при чтении с продолжением у слушателя потеряется нить повествования. Жизнь опровергла эти утверждения. Тысячи писем радиослушателей доказывают жизненность и необходимость такого способа пропаганды литературы.

В большом письме группа домохозяек из города Балаклея просит передать по радио «Тихий Дон» Шолохова.

Во время войны в Москву приезжал один американский радиодраматург, получивший «премию имени Уилки» — деньги на кругосветный рейс за радиопроизведение «Путешествие в ад», бредовый набор звуков и слов, долженствующих изображать преисподнюю.

Когда предприимчивого радиодраматурга спросили, читают ли в его стране по радио произведения писателей, он ответил на вопрос вопросами:

— Какая фирма за это заплатит? Можно ли слушать по радио просто чтение? Есть ли в этом элемент сенсации?

Недавно всесоюзное радиовещание провело читку глав из произведения Синклера «Королевская кровь». Группа работников райпотребсоюза Рязанской области пишет:

«На самом интересном месте вы прервали передачу «Королевская кровь». Очень хорошо, что вы указываете, где прочитать продолжение, но еще лучше, если впредь вы будете начатые передачи доводить до конца».

Эти письма в Радиокомитет могли бы быть лучшим ответом на вопросы радиодраматурга, пытающегося передать в эфир звуки преисподней.

После передачи рассказа о гибели Пушкина была получена от секретаря Эвенкийского окружкома комсомола (Красноярский край) тов. Сушилова телеграмма следующего содержания:

«С большим интересом прослушала молодежь Эвенкии вашу радиопередачу «Гибель Пушкина». Просим чаще устраивать подобные передачи. Желаем послушать передачи о жизни и деятельности классиков русской литературы Некрасова, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого, Островского, Чехова. Сообщите время передачи для организации коллективного слушания».

Может быть, для американского радиодраматурга эта телеграмма тоже явилась бы материалом для сенсации. А для нас это одна из естественных черточек советской жизни.

Радиослушатель чувствует себя сотворцом советского радио. Он смело критикует, вносит свои предложения. Вот что пишет одна из радиослушательниц:

«Радиокомитет недостаточно учитывает тягу к знаниям, которая растет у советского человека. Так, например, к юбилею Островского был дан ряд чудных передач его произведений. Но что было дано из докладов о его творчестве? Ведь мы в провинции не слышали лекций, которые читались в Москве.

Сейчас идет большая подготовка ко дням памяти Белинского. Пишут, что в Доме ученых будет проведен цикл лекций наших профессоров. Нельзя ли прослушать их?»

Большую и чрезвычайно важную работу проводит на радио большая группа советских литераторов, ведущая передачи с Красной площади в дни праздников. 1 мая и 7 ноября, в День авиации и в День физкультурника миллионы людей слышат голоса Алексея Суркова, Бориса Полевого, Льва Кассиля, Вадима Кожевникова, Анатолия Софронова, Александра Жарова, Всеволода Вишневского, Татьяны Тэсс, Евгения Кригера и других, рассказывающих о ходе праздника в Москве.

Грозоотметчик Попова стал всенародным достоянием, великим пропагандистом высоких идей коммунизма. Пропагандистские выступления крупнейших писателей — Алексея Толстого, А. Фадеева, И. Эренбурга, Всеволода Иванова и других в годы Отечественной войны сыграли немалую роль. К сожалению, сейчас публицистические выступления писателей по радио происходят гораздо реже. Пренебрегая этой формой разговора с читателем, писатель теряет очень многое. Надо и Радиокомитету более активно привлекать писателей для выступлений по вопросам идеологии, народного хозяйства, по международным вопросам.

Неоценимо значение радио в деле музыкального развития народа. Советские поэты обязаны популярности своих песен, прежде всего радио. Но и здесь нам предстоит большая работа. В песенных радиопередачах чувствуется крен в сторону ложнонародных песен, претендующих на душевность, но лишенных ее. Мало передается по радио песен массовых по существу, а не по классификации, песен народных, пропитанных революционным духом.

Следует в День радио напомнить и о необходимости более широкого развития радиосети. В «Литературной газете» уже писалось о низком качестве приемников, предназначенных для деревни. Радиофикация колхозной деревни — одно из первостепенных условий расширения и углубления нашей советской культуры.

Качество радиосети в городах—не на высоком уровне. За годы войны износилась радиоаппаратура, охрипли многие репродукторы. Перед промышленностью средств связи стоят огромные задачи. Дело ее чести справиться с ними.

Радио в СССР — это голос народа. Хрустальный звон московских позывных является мелодией счастья и правды для многих миллионов людей за рубежами нашей страны, ибо для радио не существует границ.

По следам выступлений «Литературной газеты»

„О советском ревизоре"

Письмо министра сельского хозяйства Союза ССР

В статье т. И. Днепрова «О советском ревизоре», опубликованной в «Литературной газете» 13 марта с. г., правильно критикуются недостатки в использовании ревизоров управления Северного Кавказа главка МТС Министерства сельского хозяйства СССР.

В целях усиления ревизионной работы по Министерству сельского хозяйства издан приказ, которым установлен план производства ревизий на 1948 год и запрещено использовать ревизоров не по их прямому назначению.

Проверка показала, что факт заниженного планирования тракторных работ по Куйбышевской МТС освещен в статье правильно и правильно был вскрыт т. Беликовым при ревизии.

Проверка показала также, что заниженное планирование заданий по выработке на трактор в Краснодарском крае в 1946 и 1947 гг. имело место и по некоторым другим МТС.

В связи с установленными фактами Министерством сельского хозяйства СССР указано начальнику Краснодарского краевого управления сельского хозяйства на неправильную практику планирования тракторных работ, имевшую место в крае в 1946 и 1947 гг., и предложено пересмотреть планы МТС на 1948 год, в которых дано задание по тракторным работам ниже фактического выполнения 1947 года.

Позиция работников Главного управления Северного Кавказа и Закавказья быв. Министерства земледелия СССР признана неправильной, и письмо главка в Краснодарский краевой земельный отдел о том, что акт т. Беликова в целом не утвержден и выводы его об ошибках в планировании тракторных работ признаны неправильными,—отменено. Работникам этого управления указано на неправильность замазывания фактов, вскрытых т. Беликовым.

Тов. Беликов, вскрыв и поставив перед руководством Главного управления Северного Кавказа и Закавказья вопрос о неправильном планировании тракторных работ в Куйбышевской и некоторых других МТС Краснодарского края, не имея достаточного опыта и знаний по сельскому хозяйству, допустил при ревизии ряд оплошностей.

Тов. Беликову, как новому работнику в сельском хозяйстве, необходимо было помочь исправить допущенные оплошности и освоить ревизорскую работу, однако это не было сделано ввиду неправильного отношения к нему со стороны руководства управления.

Бывший заместитель начальника Главного управления Северного Кавказа и Закавказья Ходрапетный неправильной информацией о существе дела ввел в заблуждение заместителей министра сельского хозяйства, внеся в одном случае предложение наложить на т. Беликова строгое взыскание, а в другом—предлагая уволить его.

Ходрапетный освобожден от работы в Министерстве сельского хозяйства.

Приказ о наложении взыскания на т. Беликова отменен, и мною дано указание заместителю министра по кадрам т. Борисову, в случае желания т. Беликова, принять его на работу в аппарат Министерства сельского хозяйства СССР.

Поведение директора Куйбышевской МТС т. Скворцова, не опротестовавшего полученные от краевого управления сельского хозяйства заниженные планы по тракторным работам, в приказе по Министерству сельского хозяйства признано неправильным, и предложено исправить план тракторных работ на 1948 год в сторону увеличения.

Одновременно считаю необходимым сообщить, что задержка с ответом на опубликованную в «Литературной газете» статью «О советском ревизоре» была вызвана необходимостью тщательной личной проверки документов и фактов, связанных с увольнением т. Беликова, а также дополнительной проверки на месте инспекторами министерства.

Министр сельского хозяйства
Союза ССР И. БЕНЕДИКТОВ.

И. РАХТАНОВ

Знамя полка

Из одиннадцати коротких рассказов, собранных в маленькой книжке Евгения Воробьева «Однополчане», первые три («Однополчане», «У знамени» и «Гром и молния») рассказывают о нынешнем дне нашей армии, о новобранцах, пришедших в строй тогда, когда в Берлине прогремел последний залп советских орудий и война кончилась.

Характерен рассказ «У знамени». Гвардии старшина Григорий Иванович Каширин недоволен своим ассистентом у полкового знамени Плечевым. Ему кажется, что вот этот коротко остриженный парень, не нюхавший пороху, не знающий жаркого сражения, — не боец, не солдат вовсе.

Сам Каширин — герой великой войны, великих битв. В боевой обстановке он приобрел свой опыт, прошел трудную солдатскую науку в самом пекле войны.

И вдруг у него, заслуженного старшины, появляется помощник — желторотый птенец, и птенец этот ломает привычный уклад: до побудки бежит мыться на речку, и придраться тут не к чему, — этот Плечев, выкупавшись, не опаздывает к утреннему осмотру. К нему, к старшине Каширину, Плечев относится с подчеркнутой почтительностью, но даже и это выводит старого служивого из себя.

Лишь тогда, когда Каширин узнает, как много пришлось пережить этому ладному пареньку, когда он слышит полный горечи рассказ Павла Плечева о городе, в котором он когда-то жил и который во время войны был освобожден полком, где они теперь оба служат, старшина меняет отношение к новобранцу. И не только к нему одному.

«Желтый дом с колоннами, помните? Ну тот, на площади. Так того дома немцы не поджигали. Биржа там для подростков помещалась. И все списки наши. Кто из лагеря сбежал. Так тот дом мы сами подожгли. А на виселице той... моя сестренка отмучилась. В ночь перед вашим приходом. Если от театра смотреть, — крайняя слева. Босая... В розовой кофточке...

Плечев круто отвернулся и быстро пошел между скамейками. Он шел, опустив голову, очень внимательно разглядывая свои ботинки».

А дальше в рассказе очень точными, хорошо найденными словами описан момент — именно момент — перерождения Каширина. Приведем описание полностью; на наш взгляд, оно заслуживает этого:

«Каширин привстал. Он забыл, что на коленях у него раскрытый кисет. Не заметил, как рассыпал табак. Он проводил Плечева глазами, пока тот не скрылся в толпе солдат, за скамьями. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он подобрал кисет. Каширин торопливо свернул цыгарку и закурил с такой жадностью, словно хотел покончить со всей цыгаркой в одну затяжку. Перед тем как сесть на место, Каширин растерянно и несколько виновато оглядел этих коротко остриженных парней, сидящих вокруг, будто увидел их впервые».

Первый рассказ, который дал название книге, — «Однополчане» тоже решает тему новобранцев. В нем автор, обычно не позволяющий себе декларативных утверждений, справедливо говорит:

«Чудесное русское слово «новобранец», — подумал полковник. — Не понимаю, почему его стесняются употреблять наши газетчики и писатели?»

У Евгения Воробьева верный глаз.

В поле его зрения попадают детали, только тщательно отобранные, совокупность которых составляет черты нового.

Мы узнали в героях книги, в простых солдатах и офицерах — тех, кого встречали на фронтовых дорогах, и тех, кто пришел им на смену после войны, по возрасту «опоздав» к великим сражениям.

В рассказе «Гром и молния» тепло и живо обрисован любимый автором образ храброго русского солдата.

Конечно, не все одиннадцать рассказов одинаково хороши. Есть и такие, которые автору вряд ли стоило включать в книгу. Это рассказы: «В темную ночь» и «Этого нет в поваренной книге», по всей видимости, перекочевавшие в книгу из фронтовой газеты, где они были на месте. Однако теперь они выглядят устаревшими.

Хочется в довершение отметить очень точные и тонкие рисунки отлично знающего и любящего военный быт художника О. Верейского.

Евгений Воробьев. «Однополчане». Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР. 1947. 120 стр.

В Союзе советских писателей СССР

Обсуждение книги Ольги Джигурды „Теплоход „Кахетия"

Записки военного врача Ольги Джигурды «Теплоход «Кахетия», напечатанные в журнале «Знамя» в №№ 1 и 2 за 1948 год, обсуждались на-днях в Центральном доме литераторов.

— Записки Ольги Джигурды вызвали у читателей очень большой интерес, — сказал во вступительном слове Герой Советского Союза писатель П. Вершигора. — Редакция «Знамени», Союз писателей, газеты получают много писем о первой книге писательницы. Моряки, врачи, люди самых разных профессий устраивают дискуссии, спорят о достоинствах и недостатках записок. Уже этот факт говорит о том, что «Теплоход «Кахетия»—незаурядное явление нашей литературы.

— Верные, острые, — говорит писатель Л. Лагин, — неприукрашенные наблюдения Ольги Джигурды, активного члена коллектива «Кахетии», легли в основу ее книги. Она читается с волнением. Ольга Джигурда — не только «бывалый человек», в ней чувствуется одаренный писатель.

Доцент И. Ростоцкий считает книгу полезной и правдивой, он особенно подчеркивает отсутствие в ней «парикмахерского подкрашивания» действительности.

Некоторые выступавшие — подполковник Г. Дойджашвили, директор 1-го Медицинского института Б. Петров,—полагают, что автор не раскрывает характеры достаточно глубоко, что в книге отсутствует единый связывающий стержень. С ними полемизировал редактор газеты «Красный флот» генерал-майор П. Мусьяков.

— Стержень книги определился жанром, — сказал он, — это записки. Главная идея книги — героизм советских людей.

О том, справилась ли Ольга Джигурда со своей задачей, правдивы ли ее записки, я могу судить, как свидетель. Многих людей «Кахетии» я знаю, с другими встречался на страницах газеты «Красный черноморец», которую редактировал во время обороны Севастополя. Существуют документы, незнакомые автору, но говорящие о тех же днях и событиях. Они подтверждают жизненность книги. Книга сможет быть еще лучше, если автор устранит некоторый шаблон в языке, корабельный жаргон, неточности военные и географические.

Взволнованно говорил о записках писатель Ю. Либединский. Он отмечает редкую способность автора — писать с натуры, с живого человека и считает необходимым произвести «генерализацию» образов, уменьшить количество действующих лиц.

Глубокая заинтересованность в судьбах нашей литературы проявилась в выступлениях читателей: Героя Советского Союза майора П. Брайко, врача В. Гутнера. Считая произведение О. Джигурды не лишенным недостатков, выступающие оценили его как искреннее и волнующее, необходимое нашему читателю.

Заместитель начальника Политуправления Военно-Морских Сил полковник Д. Корниенко предложил автору помощь в ознакомлении с документами Великой Отечественной войны, которые могли бы обогатить материал книги.

О недостаточном внимании нашей критики к литературе «бывалых людей», говорил писатель А. Чаковский.

В заключение выступила автор записок Ольга Джигурда. Она поблагодарила собравшихся за совет и дружескую критику, которые принесут ей несомненную пользу.

И. КРАМОВ

КРИТИК-БОЛЬШЕВИК

К 25-летию со дня смерти В. Воровского

Имя Вацлава Вацлавовича Воровского неразрывно связано с историей социалистической революции. Он принадлежал к славной плеяде строителей большевистской партии, к ее передовому отряду, организовавшему борьбу с царизмом, подпольное революционное движение, возглавившего борьбу за свержение царизма и укрепление советского государства в первые годы революции.

После Октябрьской революции партия посылает Воровского на один из труднейших участков своей работы. Воровский — первый представитель советского государства на враждебном Западе. Он принимает активное участие в работах Генуэзской конференции. Он — руководитель советской делегации на конференции в Лозанне. Здесь 10 мая 1923 года пуля наемного убийцы обрывает его жизнь. Судебный процесс вскрыл гнусную подоплеку этого преступления. Руку убийцы направлял лорд Керзон, английский министр иностранных дел, один из организаторов бешеной травли советской России.

Воровский погиб на боевом посту. Он действовал мужественно и стойко. Последовательно и спокойно защищал он интересы своей страны.

Эти стороны облика Воровского — мужество, стойкость, последовательность, ясность мысли, сочетание огромных знаний с незаурядным организаторским талантом — не менее ярко проявились и в других областях его многогранной деятельности. Он сочетал в себе подпольщика и публициста, дипломата и революционного руководителя. Ленин говорил о нем: «Это один из наших лучших литераторов».

В. Воровский. Литературно-критические статьи. Москва. Гослитиздат. 1948. 256 стр.

Большая часть критических статей Воровского была написана в годы реакции, последовавшей за революцией 1905 года. Буржуазная литература того времени выполняла роль барабанщика, сыгравшего отбой. Книжный рынок был буквально атакован писателями, провозглашавшими смерть революции. Это была свистопляска мародеров вокруг воображаемого покойника. Русской революции пели отходную, полагая, что она никогда уже не оживет от нанесенного ей удара. Мутный поток порнографии и ренегатства заливал страну. В этих условиях задача большевистской критики состояла в том, чтобы сохранить в чистоте великие демократические традиции русской литературы, оградить народ от буржуазных влияний. Необходимо было светом марксистской критики осветить этот враждебный пролетариату мир литературного ренегатства. Эту задачу и выполняли статьи Воровского. Он направил огонь своей критики против декадентов, провозгласивших устами своего «учителя» Шестова: «Да скроется солнце, да здравствует тьма». В статьях Воровского был дан блестящий, не потерявший своего значения и сейчас анализ судеб русской интеллигенции. Эти статьи рассматривали литературные явления на широком фоне социальной жизни народа. Они были проникнуты духом революционной романтики, пролетарского оптимизма, противопоставленного безверию и ренегатству модных идеологов.

Русские декаденты стремились развенчать революцию, как идею, и революционера, как человека. Они пытались доказать, что «человек от природы подл» (Арцыбашев), представить всю борьбу человечества за свободу и счастье, как смешной и нелепый фарс. Политическая реакция неизбежно сопровождается попытками принизить человека, отнять у него веру, парализовать его волю в борьбе за будущее. Об этом свидетельствует и современная литература империалистических стран.

Анализируя особенности декадентства, Воровский прямо указал на его связь с общественной реакцией и на главную тенденцию, лежавшую в его основе, — побороть и уничтожить стремление к преобразованию мира. Воровский писал: «Впротивовес общественности, эта литература выдвинула на первый план личность. Впротивовес благу всех — индивидуальное счастье. Впротивовес идейности — плотские наслаждения. Впротивовес потребности мысли — вожделения пола». Критик называл тенденциозность этой литературы «злостной и вредной».

Литературная реакция, выразившая крайнюю степень кризиса буржуазного сознания, была своего рода психологической диверсией буржуазных идеологов с целью разобществить человека, внушить ему — «идеи не нужны» (Шестов), подорвать его волю к борьбе. Воровский превосходно понимал ту опасность, которую несла растлевающая проповедь декадентов для рабочего движения. «Мрак рождает кошмары, но и кошмары рождают мрак», — писал он. Воровский имел при этом в виду литературу, порожденную мраком политической реакции. Эта литература питала и поддерживала реакцию проповедью ненависти к революции, одиночества, интеллектуальной анархии, политического цинизма. Она становилась политическим оружием буржуазии в борьбе с пролетариатом, заявившим о себе со всей силой в вооруженном восстании 1905 года. Русский рабочий класс был страшен буржуазии своей сплоченностью, верою в свои силы, моральной стойкостью. Проповедь разложения и буржуазного нигилизма преследовала цель морального разоружения народа. Она была тем более опасна, что подносилась под вывеской антибуржуазности.

В своей литературной полемике с декадентами Воровский вскрыл буржуазный и реакционный характер декадентской литературы. В статье «О буржуазности модернистов» он писал: «...Нехудожественная тенденциозность присуща, к сожалению, значительной части новейшей нашей литературы... Наивное признание г. Сологуба, что он творит легенду, ибо он поэт, можно отнести ко всему этому направлению. Оно все творит легенду, а не претворяет действительную жизнь, и притом легенду злостную и вредную. Ибо в основе его настроения лежит скверная тенденция побороть и уничтожить общественные стремления ближайшего прошлого. Под впечатлением этого настроения новейшая литература вся пропиталась худшего вида тенденциозностью — антиобщественной и в то же время нехудожественной».

Воровский разоблачил реакционный смысл творчества Арцыбашева, Сологуба, Леонида Андреева, Пшибышевского.

Творчество Андреева в годы реакции— одно из наиболее выразительных проявлений отступничества и ренегатства.

Как подчеркивал Горький, Л. Андреев считал, что «бытие бессмысленно, а, стало быть, и всякое деяние бесцельно». Произведения Андреева в годы реакции звучали, как погребальный звон над надеждами, воодушевляющими людей.

В своих статьях Воровский отмечает не только реакционную сущность проповеди Андреева, но и особенность его художественного метода, суб'ективистского, опирающегося лишь на произвол художника.

«Нельзя, — писал Воровский, — ни разрешить, ни осветить вопросов жизни, когда отрицаешь самую жизнь... Можно отрицать данную жизнь во имя другой, лучшей жизни, и тогда творчеству художника открываются необозримые горизонты, ибо такое отрицание чревато неисчерпаемым богатством. Но отрицать вместо данной жизни жизнь вообще, подчинять жизнь — смерти, свет — тьме, разум — безумию... — это противоречие, которое не может ужиться в одной душе, не раскалывая ее на непримиримо враждебные половинки».

В своей известной статье «В ночь после битвы» Воровский выступает против таких мастеров порнографии и ренегатства, как Арцыбашев и Сологуб. Роман Сологуба «Творимая легенда» Воровский рассматривал, как попытку «ликвидировать революцию», «отравить воздух миазмами тления».

В своей борьбе с литературной реакцией Воровский постоянно опирался на творчество Горького. Творчеству великого пролетарского писателя он посвятил несколько статей, постоянно раскрывая в нем то, что он называл «основным настроением» Горького, — «те смелые, сильные, свободные чувства и мысли,... без которых психологически немыслима сама революция». «Основное настроение его, — писал Воровский о Горьком, — было ярким знамением назревавшей революции».

Деятельность Воровского — литературного критика дает яркий пример партийности в литературе. Для него литературное дело было «частью общепролетарского дела» (Ленин), прямым продолжением революционной практики, он ставил его в прямую связь с нуждами своего класса. Не литературный оценщик, а партийный деятель, не бесстрастный истолкователь, а воспитатель народных масс, не самовлюбленный эстет, а критик-демократ, — таков Воровский везде, где ему приходится вести бои на литературной арене. В этом смысле можно сказать, что Воровский унаследовал лучшие традиции передовой демократической критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Критический метод Добролюбова, рассматривающего литературу во взаимосвязи социальных явлений, Воровский расширяет и углубляет, пользуясь завоеваниями марксистско-ленинского мировоззрения.

В новых условиях и на основе нового марксистского мировоззрения Воровский продолжил и углубил борьбу за авангардную роль искусства, обосновал и развил ряд важных положений революционной эстетики. Он исходил в своей критике из того, что искусство должно отображать действительную жизнь, должно быть на уровне передовых устремлений времени. Он рассматривал писателя, как общественного деятеля, глубоко ответственного перед народом за характер и направление своей проповеди.

Воровский противопоставил проповеди буржуазных идеологов горячую веру в человека, в разум, огромную убежденность в победе революции. Его литературно-критические статьи свидетельствовали о растущем самосознании пролетариата, готовившегося под руководством большевиков к решающему революционному штурму. Четверть века прошло со дня смерти критика-большевика, но его сильные, смелые и яркие статьи не забыты.

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ

Юрий ЖУКОВ

Осенью прошлого года мы плыли в Нью-Йорк на английском лайнере «Куин Мэри». Весь этот рейс, длящийся пять суток, проходит по определенному, хорошо продуманному ритуалу. Дирекция компании «Кюнард уайт стар» заранее, исподволь подготовляет едущих в Соединенные Штаты пассажиров ко вступлению под сень звездно-полосатого флага: выходящая на борту парохода газета каждое утро возносит хвалу добрым американским дядюшкам, берущим проштрафившуюся Европу под свою опеку; в барах пассажиров приучают к американским спиртным напиткам; во время богослужений им раздают молитвенники, в которых к словам «Боже, спаси короля» добавлена красночерная сноска: «Пассажиры, едущие в США, должны добавлять: «И президента Соединенных Штатов Америки»; по вечерам устраиваются игры в американском вкусе, вроде скачек деревянных лошадок, опять-таки с истинно американскими названиями: «Головная боль после водки», «Икра», «Ломота», «Полуночный шок от укола булавкой из темноты»...

Но особенно мне запомнились идиллические вечерние киносеансы. Каждый вечер во всех трех классах пассажирам показывалась американская кинопродукция.

Больше всего меня заинтересовал фильм «Это случилось на Пятой авеню». В нем было нечто новое, отличающее его от той нестерпимо слащавой продукции американского киноконвейера, которая фабрикуется поточным методом и используется для рекламы «американского образа жизни» в очень многих углах земного шара. Даже самый наивный и нетребовательный зритель перестает, в конце концов, верить басням о добрых миллионерах и богобоязненных банкирах. И вот, приспособляясь к обстоятельствам, американская пропаганда перестраивается.

«Это случилось на Пятой авеню» вначале действительно воспринимается как фильм на острую социальную тему — о скваттерах, бездомных людях, захватывающих пустующие дома богачей. К этому их вынуждает жестокий жилищный кризис в США и высокие цены на квартиры.

Герои фильма занимают дом миллионера, который проводит зиму на юге. Постепенно здесь поселяется десятки людей, оставшихся без крова,—ветераны войны, рабочие, безработные; есть среди них также архитектор, мечтающий строить бараки для бездомных, но лишенный средств, необходимых для этого. Скваттеры проникают в дом тайно, через угольную яму. Они тщательно прячутся от полиции.

Все как будто бы соответствует тому, что американский зритель сплошь и рядом наблюдает в жизни. Поэтому чувство известного недоверия, с которым он обычно воспринимает голливудскую продукцию, постепенно ослабевает, зритель даже проникается готовностью поверить тому, что он видит. И вот тут-то на разоружившегося зрителя и обрушивается масса типично голливудских сюжетных поворотов, в конце концов, возвращающих его к тем самым фильмам, от которых он отплевывался вчера и позавчера.

К скваттерам внезапно присоединяется бросившая школу дочь миллионера. Она поступает продавщицей в музыкальный магазин и влюбляется в безработного архитектора. Неожиданно в Нью-Йорк возвращается ее отец. Встретившаяся с ним на улице дочь уговаривает отца... переодеться бродягой и примкнуть к скваттерам, чтобы убедиться, какие они хорошие и добрые люди. Миллионер, разумеется, немедленно соглашается, бросает все свои дела, покупает старый костюм и влезает в свой дом через угольную яму... Он в восторге от скваттеров. Дело кончается тем, что миллионер жертвует бездомным большой участок земли, безработный архитектор строит там бараки, а дочь миллионера выходит за него замуж. На этом все кончается: зрителю показали, что все на свете идет хорошо и что даже бездомным не на что жаловаться, — надо только найти доброго миллионера.

Этот образчик беззастенчивой спекуляции на острой социальной теме не раз вспоминался мне в Нью-Йорке, когда я смотрел фильмы и театральные постановки 1947 года. Американские фальшивомонетчики от искусства, набившие руку на идеологических подделках, все чаще и чаще прибегают к самым замысловатым ухищрениям, маскируя свои ядовитые социальные идейки оболочкой невинности. Эта мимикрия реакционной пропаганды в США представляет собой весьма любопытное явление. Сам по себе тот факт, что голливудские фальшивых дел мастера вынуждены маскироваться под «разоблачителей» социальной и политической несправедливости, говорит о многом. Он подтверждает, что рядовому американцу осточертели стандартные фильмы и пьесы. Зритель тянется к реальной правде жизни.

Вот почему, жестоко преследуя прогрессивных сценаристов, драматургов, режиссеров, американская реакция в то же время всячески поощряет фабрикацию псевдопрогрессивных кинокартин и пьес.

Фальшивки бывают разные — одни грубее, другие тоньше, в зависимости от того, насколько фальшивых дел мастера владеют техникой своего ремесла. Надо сказать, что некоторые американские фальшивомонетчики от искусства основательно набили себе руку.

В последних числах сентября прошлого года нас пригласили на премьеру в театр «Фултон» на Бродвее. Как известно, понятие театра в Америке иное, нежели у нас, — «Фултон» лишь название театрального здания, которое может снять любой постановщик, если у него достаточно долларов. Чаще всего, однако, «Фултон» арендует облюбовавший его продюссер Блумгартен, которого до недавнего времени в Нью-Йорке рекомендовали как человека, не боящегося ставить прогрессивные пьесы, если они приносят доход.

На этот раз Блумгартен финансировал постановку пьесы Вильяма Хэйнеса «Командное решение». Предварительно нам охарактеризовали пьесу, как прогрессивную, разоблачающую косных и трусливых вашингтонских генералов, не желавших использовать американскую военную авиацию в борьбе против нацистской Германии, и продажных конгрессменов. На премьере некоторые из присутствовавших, находясь под впечатлением политически острых реплик, предсказывали, что пьесу «Командное решение» постигнет та же участь, какая постигла пьесу Артура Миллера «Все мои сыновья»; пьеса Миллера разоблачала спекулянтов, наживавшихся во время войны на поставках негодных самолетов для армии, и была военным министерством сначала запрещена к постановке на оккупированных территориях, а вскоре снята с репертуара и на Бродвее.

Однако на деле случилось обратное: новую пьесу единодушно подняла на щит вся реакционная пресса и начала ее безудержно рекламировать.

В чем же здесь дело? Дело все в той же довольно тонкой подделке, которая многих ввела в заблуждение. В пьесе действительно разоблачаются трусливые генералы и продажные конгрессмены. Но, с другой стороны, превозносится, как основной положительный герой, жестокий и властный командир авиасоединения: не задумываясь, он жертвует жизнями подчиненных ради осуществления поставленной им задачи.

Автор очень ловко играет на чувствах, еще не угасших у зрителей со времени войны: на чувстве ненависти к гитлеровцам и чувстве недовольства трусливой медлительностью высшего американского командования, всячески противившегося открытию второго фронта.

Но в то же время исподволь, вкрадчиво, на первый взгляд незаметно, автор старается внушить зрителям идеи, в распространении которых сейчас заинтересована реакционная американская пропаганда. Роль Советского Союза в войне с гитлеровской Германией совершенно замалчивается или чудовищно преуменьшается. Зато автор не жалеет усилий для того, чтобы изобразить дело таким образом, будто исход войны решают американские авиационные силы — они и только они. Вывод, подсказываемый зрителю, ясен— нужно и сейчас создавать мощную военную авиацию. Наконец, — я уже сказал об этом, — автор непрерывно восхваляет командира части генерала Дэнниса — жестокого «мясника», как аттестует его одно из действующих лиц пьесы. Именно такого рода генералы вполне устраивают сейчас тех, кто мечтает о новой войне.

Мудрено ли, что на следующий же день после премьеры херстовская газета «Дейли миррор» разразилась панегириком по адресу драматурга и постановщика пьесы, заявив, что пьеса «действует, как удар грома». «Все конгрессмены, сенаторы и все американские избиратели должны посмотреть пьесу «Командное решение», — вопила «Дейли миррор». — Нас бы тогда не смогли больше захватить врасплох, и мы бы не рисковали вновь опоздать в решающий момент...»

В том же духе выступила вся реакционная печать, использовавшая пьесу, как один из удобных «художественных» аргументов в борьбе за усиление гонки вооружений. И полностью права была газета «Дейли уоркер», давшая трезвую оценку этой пьесе:

«Тема пьесы «Командное решение» сводится к тому, что наша страна якобы была бы гораздо счастливее, если бы она не трогала наших генералов, давала бы им беспрекословно все, чего они требуют, не задавала бы никаких вопросов и позволила бы им действовать по своему желанию. Подозрительное, мягко выражаясь, предложение, особенно, если вспомнить о заигрывании Макартура с Хирохито, о том, как генерал Паттон старался обелить нацистскую партию, и о ряде других грязных историй, в которых замешаны наши генералы... Недопустимо, когда в настоящее время используют талантливых деятелей театра для того, чтобы прославлять и возвеличивать поджигателей войны в рядах военщины...»

Пьеса «Командное решение» и постановка этой пьесы лишний раз доказывают, как ловко действуют в наши дни фальшивомонетчики от искусства, находящиеся в услужении у «сильных мира сего». Тем внимательнее следует наблюдать за процессами, происходящими в искусстве Запада, не давая обмануть себя эффектной словесной оболочкой, под которой нередко скрывается реакционнейшая идея. И тем больше следует ценить честное творчество тех принципиальных мастеров искусства, которые, несмотря ни на что, остаются верными правде жизни и мужественно показывают в своих произведениях сегодняшнюю Америку без грима и без фальши.

Рисунок английского художника Муна, относящийся к 1946 году, изображает улицу английского города, «декорированную» по случаю дня победы продуктовыми и промтоварными карточками, плакатами: «квартир нет», «стоимость железнодорожного проезда повышается», «сигарет нет», «пива нет», «потребление продовольствия ограничивается», «спасите уголь», «карточки на хлеб».

Что изменилось за два года? Об этом говорит небольшое дополнение к рисунку Муна, сделанное нашим художником Бор. ЕФИМОВЫМ.

— Вот, сэры, новое оформление ко дню победы, Смысл прежний, но зато какая экономия бумаги!

В ЗАЩИТУ ПОЭТА-ПАТРИОТА

Национальный комитет французских писателей обратился к общественному мнению всего мира с призывом в защиту крупнейшего чилийского поэта и общественного деятеля—коммуниста Пабло Неруда.

Как известно, разоблаченный Нерудой в печати фашистский диктатор Чили, предатель своего народа Гонсалес Видела об'явил крупное вознаграждение за поимку поэта и его жены.

«Пусть знают, что общественное мнение всего мира с волнением следит за судьбой этого большого поэта, — говорится в обращении французских писателей.— Угроза кровавой расправы над ним — красноречивое свидетельство истинного положения вещей на его несчастной родине».

ПАХАРЬ

Дьюла ИЙЕШ

Пахарь пишет книгу жизни в час расцвета.
Вся земля вокруг пошла на книгу эту.

Ранним утром борозду за бороздою
я читаю словно строку за строкою.

В первый раз за долгий век батрак вчерашний
по своей, а не чужой шагает пашне.

В первый раз идет работник вслед за плугом,
как идут навстречу счастью вслед за другом.

Два тяжелые быка под солнцем мая
перед пахарем торжественно шагают.

Два быка, как с братом брат, шагая рядом,
огибают танк, раскроенный снарядом.

Пусть стоит он со своей разбитой башней,
словно память о войне на этой пашне.

Вольный пахарь плугом землю подымает.
Так народ свою историю слагает.

БУДАПЕШТ.

Перевел с венгерского **Ярослав СМЕЛЯКОВ.**

Братская помощь Урала Казахстану

АЛМА-АТА. (**Наш корр.**). На-днях в Казахстан из Свердловска приехала группа инженеров Уралмашзавода. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» руководитель делегации инженер А. Волков сказал:

— Мы приехали в Казахстан, чтобы оказать братскую помощь колхозам Кустанайской области. По поручению коллектива нашего завода, обязавшегося построить в Кустанайской области 15 электростанций, мы должны составить проекты, чертежи и провести монтаж сооружений. Новые электростанции дадут ток 9 МТС и многим колхозам и совхозам. Восемь электростанций вступят в строй уже к 31-й годовщине Великой Октябрьской революции.

По пятилетнему плану в Казахской республике намечено строительство 3.130 электростанций, разрешающих проблему электрификации трех тысяч колхозов, всех МТС и совхозов. 400 электростанций будут построены в 1948 году.

В Казахстане широко развертывается всенародное движение за электрификацию сельского хозяйства. Местные предприятия, по примеру уральцев, берут шефство над строительством колхозных электростанций, мобилизуют все внутренние ресурсы, изыскивают оборудование и материалы.

ПОСЛЕДНИЕ РЕЛЬСЫ НОВОЙ ДОРОГИ

ИССЫК-КУЛЬ. (**Наш корр.**). Уложены последние рельсы новой железной дороги, соединяющей станцию Быстровку в центре Киргизии с поселком Рыбачье на побережье озера Иссык-Куль. На 48-километровом участке от станции Быстровка до станции Кокмойнак уже ходят поезда.

Строителям дороги пришлось преодолеть огромные трудности. Больше половины трассы проложено через горные ущелья, где раньше не мог пройти даже пешеход. Все земляные работы выполнили колхозники республики. Деятельное участие в строительстве приняли комсомольцы Фрунзенской, Тянь-Шаньской и Иссык-Кульской областей.

Дорога Быстровка—Рыбачье будет способствовать еще большему хозяйственному и культурному расцвету республики. Она откроет широкий доступ к богатствам недр Тянь-Шаня и озера Иссык-Куль. В конечном пункте дороги — поселке Рыбачьем—уже строится большой мясокомбинат. Скоро от озера к столице Киргизии — Фрунзе двинутся по новой трассе эшелоны с сельскохозяйственным и промышленным сырьем.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. НАВОИ

Сегодня в Колонном зале Дома союзов состоится торжественный вечер, посвященный 500-летию со дня рождения великого узбекского поэта Алишера Навои. Председатель вечера — заместитель генерального секретаря Союза советских писателей Н. Тихонов.

С сообщениями о жизни и творчестве Алишера Навои выступят: член-корреспондент Академии наук СССР Е. Бертельс, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР В. Захидов. Переводы из Алишера Навои прочтут: поэты В. Звягинцева, С. Липкин, Л. Пеньковский, артисты Н. Першин, О. Фрелих.

После литературной части вечера состоится большой концерт.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Комиссия ССП по теории литературы и критике совместно с Институтом мировой литературы им. Горького организуют обсуждение сборника «Проблемы социалистического реализма» (издательство «Советский писатель», 1947 г.).

Обсуждение состоится 11—12 мая в Доме литераторов (ул. Воровского, 50). Начало в 7 час. вечера.

Писатели, критики, литературоведы, преподаватели литературы приглашаются принять участие в обсуждении.

Б. РОЗАНОВ

Гитлеровцы на американской службе

В ясный июньский день 1942 года на восточном побережье США по личному приказу Гитлера тайно высадились восемь шпионов и диверсантов, обученных под руководством Гиммлера и Боле. Высадившись, они быстро зарыли в прибрежный песок свой не слишком об'емистый «багаж» и затем направились в глубь страны для выполнения заданий. Шпионов поймали, после чего шесть из них были казнены, а двоим — Бергеру и Дашу, также приговоренным к смерти, Рузвельт заменил высшую меру — пожизненным заключением для одного и 30 годами тюрьмы для другого. Поводом для смягчения приговора послужило то, что они дали американским властям ценную информацию.

Имена этих двух нацистских агентов были вскоре заслонены именами военных преступников покрупнее, и оба шпиона, чего доброго, так и прозябали бы в безвестности за американской тюремной решеткой, если бы о них не вспомнил президент Трумэн. Именно он отдал на-днях приказ об освобождении Бергера и Даша и о предоставлении им возможности свободно вернуться в Германию.

И вот Бергер и Даш вновь пересекают просторы Атлантики, но уже в обратном направлении. Они совершают свое путешествие, не скрючившись в три погибели в узких и душных отсеках подводной лодки, как в первый раз, а, наоборот, в достаточно комфортабельных условиях, на борту американского военного судна. На набережную в Бремене они выходят, не крадучись, а с полным сознанием собственного достоинства. И багаж свой на этот раз они открыто захватывают с собой. Для пущей торжественности недоставало только военного оркестра. Впрочем, мы никак не можем поручиться за то, что его действительно не было.

Бергер и Даш были посланы в США по личному приказу Гитлера. Бергер и Даш были возвращены в Германию по личному приказу Трумэна. Этот обмен любезностями, вызвавший настоящий смерч сенсационных откликов в американской печати, дал повод конгрессмену Клейну, коллеге президента по демократической партии, расценить поступок президента, как признак «окончательной капитуляции перед политикой Гитлера».

Неудивительно, что соответствующие американские власти, нимало не смущаясь, отказались на-днях выдать четырех немецких генералов, прямых виновников разрушения Варшавы и совершенных там неслыханных зверств. Отказ этот был «мотивирован» тем, что все четыре генерала «нужны в другом месте»; не удовлетворившись этим, американские служители Фемиды в течение более чем полугода вообще не считают нужным даже ответить на категорическое требование Польши о выдаче ей Гудериана, как военного преступника. Еще бы, ведь и Гудериан нужен американцам не на скамье подсудимых, а совсем «в другом месте»!

Но и эти, казалось бы, беспрецедентные образчики прямого покровительства нацистским военным преступникам буквально бледнеют по сравнению с тем, что недавно произошло на процессе Круппа. Альфред Крупп фон Болен, один из главных военных преступников, ныне оправдан по... обвинению в подготовке агрессивной войны. Большего издевательства над судьбами миролюбивых народов, над истиной, над здравым смыслом — никак не придумаешь! Если в шекспировском Лире каждый вершок — король, то в Альфреде Круппе каждый вершок — война. На протяжении почти целого века фирма Круппов, идиллически именовавшая себя «оружейниками германской империи», являлась гигантской кровососной банкой на теле европейских народов и бешено наживалась не только на войнах, но и на подготовке к ним.

Фамильное поместье Круппов называется «вилла Хюгель». «Хюгель» означает по-немецки «холм». Это был поистине могильный холм миллионов ни в чем не повинных людей, истребленных по воле династии Круппов. И в то же время этот «холм» служил неплохим наблюдательным пунктом, откуда несколько поколений «пушечных королей» Германии высматривали свою добычу и определяли направление немецкой агрессии. Таким образом, Крупп стал символом и воплощением хищнического германского империализма. Крупп вскормил и вспоил Гитлера, поставил его у власти, был его личным другом и одним из немногих подлинных его хозяев. Выслушав в свое время программу подготовки к новой войне, изложенную Гитлером на тайном совещании германских промышленников и банковских магнатов, Крупп сразу же поспешил от имени всех присутствовавших выразить ему благодарность «за ясное изложение его идей». Не довольствуясь этим, Крупп написал Гитлеру личное письмо, в котором заверил, что «поворот политических событий полностью соответствует как его желаниям, так и желаниям его директоров». Гитлер не оставался в долгу перед Круппом. После того как гитлеровская Германия зажгла гигантский пожар второй мировой войны, кривая прибылей Круппа резко взвилась вверх. Он зарабатывал миллиарды не только на вооружении для армии, но и на орудиях истребления мирного населения. Он сооружал свои заводы непосредственно на территории концлагерей, и на этих заводах десятки тысяч людей гибли от непосильного каторжного труда.

После всего сказанного находятся люди в судейских мантиях цвета американской «демократии», которые осмелились без содрогания написать в своем приговоре слова, звучащие как вызов всему прогрессивному человечеству: «Нет никаких доказательств вины Круппа!».

Мистер Льюис Браун, видный американский промышленник, глава акционерного общества «Джон Мэнвилль» после своей поездки в Бизонию опубликовал книгу, озаглавленную «Доклад о Германии». В основу книги лег даже некий «план Брауна». Этот план был рекомендован автором не только генералу Клею, но также государственному департаменту и военному министерству США и пользовался их благосклонным вниманием. Американская печать и крупнейшие радиокомпании также получили разрешение популяризировать этот «план». В книге Брауна заводы Круппа предусмотрительно названы «мастерской Европы» вместо того, чтобы быть названными «кузницей войны». Здесь и зарыта собака. Представить немецкую военную промышленность в виде этакой подсобной «мастерской» по восстановлению европейской экономики на основе плана Маршалла, а матерых немецких поджигателей войны и вдохновителей нацизма в виде убеленных патриархальными сединами невинности «кустарей-одиночек», обладающих некоторым опытом хозяйственной деятельности, — таков один из методов превращения Западной Германии в военно-промышленный плацдарм американских монополий на европейском континенте. Отсюда чудовищное по своему цинизму «оправдание» Круппа, отсюда назначение Гуго Стиннеса-младшего на пост руководителя угольной промышленности Бизонии и предстоящее освобождение достойного соратника Круппа и Гитлера — Фрица Тиссена, которого уже прочат в руководители немецкой стальной индустрии. Если учесть, что из числа 360 бывших нацистов—директоров Стального треста—одного из самых могущественных монополистических об'единений «Третьей империи» — 328 находятся сейчас на своих прежних постах, то легко себе представить, как будет работаться в недалеком будущем их шефу — Фрицу Тиссену.

На всем этом фоне особенно пикантно прозвучала недавняя передача гамбургского радио, посвященная «памяти (!!) Отто Олендорфа» и прямо заставляющая вспомнить о временах Геббельса. На совести приговоренного к смертной казни гитлеровского палача Отто Олендорфа—два миллиона жертв. Но авторы радиопередачи предпочли говорить не о его зверских преступлениях, а о его «философии»; они восхищенно называли этого мясника «ученым и мыслителем», восторгались его манерой держать себя на суде и закончили весь свой радиопанегирик фразой, которая кажется почти неправдоподобной в своей кощунственности: «Олендорф умрет за все то, что он сделал, но дух его будет жить повсюду в мире». Дух нациста и заплечных дел мастера, дух гестапо и СС, дух печей Майданека и проволочных заграждений Освенцима будет, оказывается, жить повсюду в мире! И такие слова безнаказанно произносятся не шопотом, ночью, из-за угла, а громогласно, при свете дня, в микрофон гамбургской радиостанции!

Если гамбургская радиостанция позволяет себе славословить нацистов в эфире, так сказать, не оставляя печатных следов, то находятся люди, которые готовы выступить в таком же духе или еще хлеще, но уже в печати, из которой, как известно, слова не вырубишь и топором. Мы говорим о помещенной на-днях в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» статейке английского профессора Тревора Ропера об одном из главных военных преступников — Альберте Шпейере. Мистер Тревор Ропер— не новичок в политике. Он — профессор истории в Оксфорде, но история, видимо, его ничему не научила. Во время войны он был офицером английской разведки и расследовал по ее поручению обстоятельства смерти Гитлера. Сейчас Тревор Ропер выступает уже не как следователь и еще менее как историк. Статью о Шпейере он пишет в таком духе, будто она рассчитана на прочтение в интимном кружке, собирающемся на уик-энд в салоне леди Астор. Он называет Шпейера «личностью, представляющей исключительный интерес», «гением в промышленности», на котором Гитлер «интуитивно остановил свой выбор», и всячески предостерегает легкомысленное человечество от того, чтобы не предавать «коллективному забвению» такого «уникального человека», как бывший нацистский министр вооружения!

Не следует забывать, что из 5.300 миллионов долларов, ассигнованных по плану Маршалла на «помощь» 16 европейским вассалам США, немалая часть приходится на долю семнадцатого, одного из самых важных с точки зрения американской реакции «клиентов» — на долю Западной Германии. Вот почему сейчас и идет лихорадочный подбор соответствующих надежных кадров, руками которых можно было бы всемерно усилить темпы строительства западно-германского бастиона США в Европе.

Именно об этом с предельной откровенностью говорил бывший министр торговли США и нынешний специальный представитель США в Европе Аверелл Гарриман во время своего посещения Германии. Когда представитель рабочих Рура в его присутствии подчеркнул, что повышения добычи угля можно добиться лишь путем социализации шахт, Гарриман вспылил и, явно потеряв самообладание, произнес следующую гневную тираду: «Вам, вероятно, неизвестно, господа, что я не только министр торговли, но также архимиллионер, владелец многочисленных железных дорог, угольных шахт и заводов. Я капиталист, и в моей семье десятилетиями господствует капиталистический дух. Вот почему я считаю бестактным, когда немецкие горняки в моем присутствии говорят о социализации...»

Но, как мы видим, мистер Гарриман и другие представители «60 семейств» США, старающиеся превратить Западную Германию в свою вотчину, считают «бестактными» не только «разговоры о социализации». Они всячески настаивают на том, что и требования денацификации, демократизации, борьба за единую независимую Германию также недостаточно ласкают их изнеженный слух и, следовательно, являются «бестактными».

Таковы факты, которые никак нельзя отнести к разряду «единичных», или «случайных». Все они слагаются в единую цепь, и цепью этой владыки американских монополий изо всех сил стараются сковать народы Западной Европы и в том числе — немецкий народ. Можно, однако, не сомневаться в том, что в историческом поединке, идущем сейчас между силами демократии и черным лагерем реакции, победа будет завоевана теми, кто смело сражается за дело мира и написал на своем знамени священные лозунги свободы и прогресса.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01733.